

десяти лет, однако указатель, с таким нетерпением ожидаемый, до сих пор не издан. Была приостановлена и работа над библиографиями по истории этнографии в МГУ и Институте этнографии АН СССР. Очевидно, и эти планы осуществить не удалось. Трудно винить библиотеки и библиографические группы в том, что они не смогли, каждая в отдельности, довести до конца начатую работу. Вероятнее всего, для создания библиографии по этнографии народов СССР нужны объединенные усилия библиотек и научных центров.

Статьи и заметки информационного характера о работе специальных библиотек безусловно нужны в отраслевом журнале. Но, очевидно, в этих статьях следует приводить сведения о каталогах, картотеках, о новой литературе, о наиболее ценных и редких книгах и периодических изданиях, т. е. давать информацию, в той или иной степени характеризующую фонды библиотек.

Таковы виды библиографических публикаций журнала «Советская этнография». Следует отметить, однако, что они не являются специфичными только для этого журнала, а носят скорее универсальный характер, т. е. характерны для любого отраслевого журнала.

В результате просмотра библиографических материалов журнала за большой период времени, их классификации и характеристики мы можем сделать два замечания общего порядка, относящиеся ко всему разделу «Критика и библиография». Этот раздел является равноправным среди других разделов журнала. Библиографические работы нельзя рассматривать как нечто второстепенное, хотя они и помещены в самом конце журнала, напечатаны мелким шрифтом и имеют своеобразную форму изложения.

Нельзя также забывать о том, что всякое исследование начинается с подбора литературы, т. е. с работы над библиографией. Но библиографией также и завершается исследование, так как исследователь, располагая собранной литературой, может сравнительно легко выполнить и очень важную для науки библиографическую работу. Именно поэтому к работе раздела «Критика и библиография» необходимо шире привлекать крупных советских этнографов. Не случайно в конце 20 — начале 30-х годов в библиографическом разделе часто помещались работы М. К. Азадовского, Д. К. Зеленина, Е. Г. Кагарова, Б. М. Соколова.

Р. В. Каменецкая

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Этнография. Выпуск 5, 1968, 200 стр.

В рецензируемом сборнике, к сожалению, нет систематического обзора трудов Отделения этнографии Географического общества СССР. Опубликованные доклады прочитаны в разные годы: в 1961, 1964, 1965 и в 1967. По какому принципу отобраны доклады, не совсем ясно. Представляется, что сборник составлен тематически — большая часть статей посвящена культуре народов Дальнего Востока. Но этот принцип тоже не выдержан — в сборник включены исследования другой тематики.

Работа А. А. Шенникова называется «Крестьянские усадьбы конца XVIII и начала XIX в. в Европейской России». Вопреки общепринятому у этнографов взгляду об устойчивости и традиционности крестьянского жилища и усадьбы, автор на основании письменных источников доказывает, что в XVIII и начале XIX в. крестьянская усадьба быстро и интенсивно изменялась и утратила этнические черты. Основными предпосылками перемен А. А. Шенников считает изменение экономических условий, в частности переход к содержанию домашнего скота зимой в хлевах, в то время как раньше он содержался в открытых дворах. Можно соглашаться или не соглашаться с этой теорией, но нельзя не признать, что новая точка зрения обычно плодотворна для науки, она будит мысль.

В статье И. Н. Ухановой «Некоторые замечания о резном дереве Северного края» (заметим, кстати, что уже в заглавии следовало указать, что речь идет о Северном крае Европейской части России) использованы письменные источники, а также материалы экспедиции, организованной Государственным Эрмитажем в Каргопольский район Архангельской области для изучения народного прикладного искусства. Под народным искусством автор подразумевает искусство ремесленников, поставляющих свои изделия на ярмарки в торговые центры края. О художественном оформлении предметов домашней утвари, сделанной для собственного потребления, в статье не упоминается. Между тем именно они представляются наиболее интересными для этнографов. Туеса и прялки в XIX в. крестьяне делали большей частью сами, их не покупали. Но автора интересует рыночное распространение вещей: «...считается установленным, что именно мастер с Ваги, Северный Двини, Пинеге поставляли на рынки

лубяные и берестяные коробы и туеса, резные деревянные игрушки, ковши, расписные чаши и многое другое», — пишет И. Н. Уханова (стр. 19). «Активная распродажа прялок происходила на Благощенской ярмарке в Устьяновском районе. Местные старожилы называют центром изготовления таких расписных прялок селения Родвино и Глубоково Полонавлоцкого сельсовета» (стр. 21). Вопрос о том, какая часть населения покупала прялки и велик ли процент покупных вещей по отношению к самодельным, в статье не рассматривается. Между тем самодельные прялки имели всеобщее распространение — каждая женщина и девушка в деревне имела свою прялку. Этнографам при этом известна традиция: «дроля, ухажер, дарил девушке прялку собственного изготовления, а девушка дарила ему в ответ вышитый платок или кисет. По этим-то массовым, а не ремесленным вещам необходимо оценивать художественность и стиль народного прикладного искусства. Конечно, интересна приведенная И. Н. Ухановой выписка из Таможенных книг Московского государства XVII в.: «Вологодского уезда села Кубены Петр Петров Лобанов приплыл в лодке, явя 6100 ложек, 36 солонниц, 35 ковшей березовых, 20 зыбок, 46 сит». Но этот факт скорее относится к торговле в Московском государстве, чем к народному искусству.

Мы встречаем в статье И. Н. Ухановой не совсем верное, с нашей точки зрения, истолкование наблюдавшихся во время экспедиции явлений. Так, во дворе дома У. А. Григорьевой был обнаружен колодец: «...в землю вогнан необычайно объемистый полый ствол дерева, скрепленный металлическими обручами» (стр. 20). Этот колодец автор считает образцом долбленной посуды. Более правдоподобно, что это не долбленный, а дуплый ствол, потому он и скреплен металлическими обручами. Единичное остроумное использование дупла, конечно, не может служить примером традиции производства долбленных вещей. Этнография требует массовости фактов при анализе быта. В этом отличие этнографического описания от искусствоведческого. Искусствовед интересуется единичный, наиболее совершенный в художественном отношении предмет, этнограф занимается массовым народным творчеством. Историк искусства изучает шедевры иконописи. Это правомерно, но это не исследование народного искусства. Описание развития художественных ремесел в Северном крае еще не является исследованием народного прикладного искусства.

Статья В. А. Белявского «Землевладение дома Эгиби» посвящена росту крупного землевладения в Вавилонии в VII — VI вв. до н. э. Она не имеет к этнографии никакого отношения. Представляется, что работа такого профиля должна была увидеть свет на страницах журнала «Вестник древней истории», а не в сборнике этнографических работ.

Все остальные статьи рецензируемого издания тематически подобраны. Статья С. И. Руденко «Культура бронзы Минусинского края и радиоуглеродные датировки» географически относится к Западной Сибири, но перекликается с основной тематикой сборника. В ней говорится о связи саяно-алтайских динлиней с динлиями китайских источников. В этой работе, по существу чисто археологической, дается четкая классификация культур Минусинского края у разных исследователей и приводится более точная датировка этих культур, полученная методом радиоуглеродного анализа.

В лингвистическом исследовании Г. А. Меновщикова «Этимология названий месяцев у азиатских эскимосов» разобраны названия месяцев в эскимосских диалектах. Автор не нашел в них прямой связи с астрономическими месяцами. Эти названия обозначают циклы года, явления природы, а также отражают характер эскимосских представлений о пространстве и времени. Лингвистические исследования вообще могут оказаться полезными при изучении представлений эскимосов.

В кратком сообщении Н. В. Кочешкова «Новые материалы по этнографии и народному творчеству монголов МНР» добросовестно освещены большие, но слабо изученные коллекции по быту монголов, собранные художником Ядамсурэном. Автор приводит также записанные им три монгольские легенды.

Л. Н. Гумилев попытался решить огромную и сложную проблему древнемонгольской религии в статье объемом в 9 страниц. Одну страницу Л. Н. Гумилев отводит опровержению взглядов на монгольскую религию Дорджи Банзарова. Далее в нескольких словах сообщается о сведениях, собранных Вильямом Рубруком и Плано Карпини. О последнем Л. Н. Гумилев отзывается так: «Плано Карпини, хотя и не замечен в сознательной лжи, но требует осторожного к себе отношения. Во время бешеной езды на перекладных до ставки Гуюка и обратно, при недоедании и незнании языка, трудно произвести исчерпывающие наблюдения» (стр. 33). Учитывая все это, по-видимому, нельзя, опираясь на наблюдения Плано Карпини, выдвигать смелую гипотезу о двоебожии в монгольской религии и об отсутствии в ней связи с шаманизмом, как это делает Л. Н. Гумилев.

Определение в статье Л. Н. Гумилева шаманизма, с нашей точки зрения, неправильно. Он пишет: «...по стройной философии шаманизма мир состоит из верхнего, среднего, в котором живут люди, и нижнего; мы бы сказали макромир, мезомир и микромир...». И дальше: «мировое дерево», прорастающее через все три мира — образ, который в переводе на современный язык означает имманентность инобытия не только в шаманизме. Утверждение, что шаманизм не участвовал в создании монгольской религии, аргументировано неубедительно. Вообще большим недостатком статьи является отсутствие достаточно обоснованных развернутых доказательств, подтверждающих гипотезы автора.

Представляется, что на девяти страницах вообще невозможно решить такую сложную проблему, как определение конкретной религии и установление ее связей с другими религиозными концепциями.

Вторая статья Л. Н. Гумилева, «Троецарствие в Китае», страдает теми же недостатками.

Этнографии народов Индокитая посвящены две интересные статьи А. М. Решетова, насыщенные фактическим материалом и личными наблюдениями автора.

В первой статье, «Дулун и ну», рассматривается культура двух близко связанных по быту и языку этнических групп. Принадлежность их к определенной языковой ветви окончательно в науке не установлена. Одни ученые относят их к тибетской ветви, другие — к бирманской, третьи предлагают выделить в особую языковую группу. Ну и дулун живут в труднодоступных горных районах, поэтому их культура мало изучена. А. М. Решетов останавливается на географических условиях обитания рассматриваемых этнических групп и анализирует, как эти условия влияли на формирование культуры, в основном земледельческой. Наряду с земледелием у ну и дулун бытовали охота и собирательство диких растений. Различия между дулун и ну сложились в ходе социально-экономического развития: у дулун сохранились черты первобытнообщинного строя, а для сельских общин ну были уже характерны раннефеодалные черты.

А. М. Решетов приходит к выводу: к концу первой половины XX в. дулуны и ну еще не сформировались в народность: у них еще нет четко выраженного этнического самосознания. Этнографические материалы указывают, что эти группы близки по происхождению и что возможна их дальнейшая консолидация.

Вторая статья А. М. Решетова, «Народное творчество буи», тоже основывается на личных наблюдениях автора. Буи принадлежат к тайской лингвистической группе. Их численность превышает 1270 тысяч человек. Вместе с мяо буи образуют Цяньнанский автономный национальный округ. Они сохранили свои традиционные особенности, которые ярко проявляются в народном изобразительном искусстве: украшениях одежды художественных аппликациях, вышивках, искусном плетении вещей из цветной рисовой соломы и расщепленного бамбука, резьбе по дереву.

Автор описывает интересный способ окрашивать ткани «батикованием». При «батиковании» отдельные участки ткани покрываются воском, затем ткань опускается в краску, в результате чего на ней получаются узоры. Это, несомненно, очень древний способ окрашивания; изучение его у разных народов юго-востока Азии может привести к интересным выводам.

В обзорной статье Е. В. Ивановой, «Изучение древнейших культур на территории Таиланда» приведена обширная литература об археологических исследованиях в этом районе, начиная с 30-х годов нынешнего столетия и до настоящего времени. Автор обзора сообщает об экспедициях, проведенных учеными разных стран в Таиланде, и приводит различные точки зрения на существование в Таиланде культуры нижне- и среднепалеолитического типа.

Б. Я. Ставиский в статье «Средняя Азия и Древняя Индия» рассматривает древние взаимовлияния и связи различных культур. Он приводит не только археологические, но и письменно-исторические источники, указывающие на эллинистические и среднеазиатские элементы в памятниках Индии и на распространение буддизма из Индии в Среднюю Азию. По-видимому, остатки древних связей нашли отражение и в этнографических материалах этих стран, но этнографии автор, к сожалению, не касается.

Составитель и редактор сборника М. В. Воробьев поместил в нем четыре статьи. «Городища чжурчжэней, как фортификационные сооружения», «Система пяти столиц чжурчжэней», «Язык и письменность чжурчжэней (культурно-историческая характеристика)», «Словарный состав чжурчжэньского языка, как этнографический источник». Автор обнаруживает осведомленность в языке и истории государства чжурчжэней, но его работы не имеют этнографического характера.

К сожалению, проблемы этнографии вообще занимают мало места в рецензируемом издании.

Хотелось бы, чтобы в публикации Отделения этнографии Географического общества СССР преобладали работы, анализирующие культуру и быт народов. Кроме того, Географическое общество всегда занималось проблемами связи жизни народа с географическими условиями региона, в котором обитает этот народ. Эту тенденцию, несомненно, следует поддерживать.

В заключение хотелось бы пожелать, чтобы редколлегией сборника предоставлялась возможность публиковать свои работы более широкому кругу членов Отделения, непосредственно занятых вопросами этнографии.

Н. И. Гаген-Торн